

Игина З. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Киевского национального лингвистического университета

ТОПИКА ГОТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В АСПЕКТЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из основных топосов готического нарратива. Топос осмыслен в качестве сущности, выражающейся в художественном произведении как типаж, феномен и ноумен. Названные типы принимают конфигурации в зависимости от свойств нарративных инстанций определенного произведения.

Ключевые слова: топос, сущность, нарратив, феномен, ноумен, типаж.

Постановка проблемы. И проблемы, поднимаемые в статье, и анализ работ, посвященных предлагаемой теме, предполагают прежде всего необходимость снятия имеющихся в научной литературе противоречий, касающихся термина *топика*. Термин (*τοπική*) указывает на учение Аристотеля об общих местах – *κοινὸὶ τόποι* (мн. ч. от *κοινὸς τόπος* – общее место [15, с. 751]) – типовых положениях диалектических умозаключений, касающихся успешности оратора в споре, в частности того, насколько он искусен в извлечении необходимых ему аргументов из *общих мест* – неких признаваемых правдоподобными знаний, уже имеющих наготове. Важными топосами непротиворечивого ведения спора Аристотель считал определение (речь о сути бытия вещи) и умение его отыскать [4, с. 349, 352–355; 3, с. 98]. В качестве готовой эвристической формулы топос метафорически представлялся местом-складом, или арсеналом, где нужно было искать аргументы, как оружие (*arma*) для битвы в споре [26, с. 208–209]. Важность топоса (*locus communis*, или *locus topicus*) как *хранилища* готовых аргументов заключается не столько в его потенциальной ценности, сколько в том, владеет ли оратор *искусством приискания* [16, с. 58], то есть способен ли своевременно обнаружить данную ценность. Следовательно, *общность* и *тип* входят в набор ключевых слов для определения топоса как составного компонента *топики*. При этом, впрочем, не вполне обоснованно интерпретировать *τόπος* как именно *общее* место, так как приведенное выше словарное значение фиксирует лишь сущность, а не качество. Качество же (*общность*) обозначается как *κοινός* (*общее*). Топос – это спекулятивная, отвлеченная фиксация места как точки ментальной опоры, и его типичность еще надлежит обосновать, чтобы категоризировать как *общее*. Рассуждения о месте в «Категориях» [1, с. 62–63] и «Метафизике» [2, с. 82–86] потенциально дают основание для размежевания по меньшей мере двух уровней, так как в «Категориях» место (топос) определено как непрерывное количество, линия соприкосновения тел и как собственно место, занимаемое телом / телами (место тел совпадает с телами *per se* и является физическим конкретным нечто), в «Метафизике» же приводятся доводы, что место (топос), понятое в терминах физической конкретности, когерентно не всем телам, и геометрические тела (например, линии) не занимают мест в том же понимании, что физические тела (то есть топос – место, связанное не столько с пребыванием тела (вещью), сколько с пониманием, что есть пребывание вещи).

Следует, однако, специфицировать эволюционные аспекты термина *топос* в плане реализации асимметрического дуализма, поскольку означаемое, в разное время обозначенное как *топос*, имеет расхождения с античной трактовкой. В частности, под *топосом* понимался [21, с. 80–83] не столько правдоподобный аргумент, сколько указание на нечто архетипически узнаваемое, фундаментальный модус или отношение существования, традиционный, повсеместно повторяющийся тематический паттерн в искусстве, в том числе литературе (например, любовь, старость, противостояние природы и человека, материнская жертвенность), а также стилевой паттерн (например, аффектированная скромность рассказчика, предписывающая унижение последним собственного таланта для создания позитивного образа простого человека, вызывающего доверие). В данной трактовке топос – герменевтическая конструкция [10, с. 241], устойчивая смысловая схема, предпосланная творческому акту и не являющаяся элементом произведения; топос может выполнять функцию образа, мотива, символа, аллегории, но никогда не тождественен им, поскольку существует вне произведения, во внеличностных культурных глубинах [13, с. 264–265].

Анализ последних исследований и публикаций. Внеличностность топоса, впрочем, стала объектом критики, так как, в отличие от фикциональной литературной, аргументативная прагматическая речь как объект внимания риторики сугубо конкретна. Отмечалась также неправомерность переноса значения «расхожее клише» (*common place*) на риторический термин [13, с. 265], инициально, о чем уже было сказано выше, обозначивший совершенно иное. К тому же стереотипно повторяющиеся элементы, затем выделяемые в литературных произведениях, более напоминали оппонентам мотивы и архетипы, чем топос античной риторики. Таким образом, при трактовке топоса как отвлеченного тематического или стилового паттерна – некой *пустой формы* – делался (и далее обнаруживался при критическом анализе) акцент на преемственности традиций латинской античности в европейской культуре в ущерб индивидуальным отличиям разных эпох и литературным произведениям этих эпох [10, с. 241; 25, с. 128]. Значит, тематический паттерн может быть опознан как топос только согласно последней изложенной трактовке (литературоведческой), но не аристотелевской, риторической. Однако же, если предположить, что этот паттерн не просто надлежит воспринимать как абстрактную идею, традиционно передаваемую из поколения в поколение, но попытаться, к примеру, представить ее допустимой, для чего верифицировать как действительную, соответствующую некоему правдоподобному преставлению в тексте, принадлежащему к определенной литературной традиции. При таком понимании топос предстанет не только схемой аргументации / верификации, но и схемой аргументации / верификации уста-

новленого паттерна, имеющего формальную структурную реализацию (на уровне предложения, нескольких предложений, более крупных фрагментов текста) и отвлеченное содержание (например, нечто сверхъестественное). Последнее может обрести конкретные семиотические конфигурации, реализованные в отдельно взятых текстах путем разных способов аргументации и верификации.

Целью статьи является определение феномена семиотической конфигурации как составного элемента (то есть топоса, как было сказано выше) топики готического нарратива и описание методики исследования данного феномена.

Под нарративом в статье понимается любое художественное произведение (прежде всего, прозаический художественный текст), излагающее некую историю, которая иллюстрирует событие, то есть первостепенным свойством нарратива является необходимость события [29, с. 460]. Событие считается реализованным, когда ситуация, представленная в нарративе как исходное состояние (F) чего-то / кого-то (x) в момент времени (t1), трансформируется, так как нечто (H) происходит с x в момент (t2) после t1, в результате чего x меняет состояние (на G) после t2 (в момент t3) [5, с. 223–224]. Готический нарратив (далее ГН) – это повествование о сверхъестественном, мистическом *событии встречи* реального (как правило, человека) и неведомого (например, представителей потустороннего мира). Данное событие реализовано в разных художественных формах, объединенных единой топикой. Топика отражает мировоззренческую модель, обобщающую идею, что человек не способен самоидентифицироваться в «реальном мире» как привычной для себя среде обитания, осознание чего вызывает устойчивые сомнения в цельности и познаваемости себя и мира, а значит, и признание своей полной незащищенности перед неведомыми, вызывающими ужас злонамеренными силами (или силой) [23, с. 17, 82; 28, с. 152–154]. К событию оказывается причастен рассказчик (или нарратор), так как именно он является источником повествования [17, с. 63] и представляет собой повествовательную (нарративную) инстанцию наряду с нарратором (слушателем или читателем нарратора), автором (создателем произведения) и слушателем / читателем автора. В нарративе, таким образом, не только рассказывается история (нарратором), но и изображается (автором) повествовательный акт. В итоге строится двухуровневая коммуникативная структура из авторской и нарраторской типов коммуникации, где последняя входит в первую как составная часть [17, с. 33–34].

ГН представлен в художественной литературе в большом разнообразии [20, с. 103–105]: как классический английский готический роман («тайн и ужасов»), немецкий классический роман ужасов (*der Schauerroman*), история с привидениями, или готический рассказ (*ghost story*), хоррор-роман, неоготический роман, или «роман тайн» XX – XXI вв., сверхъестественная история (*weird tale*), романтическая черная повесть (*die Schauerromantische Erzählung*), магический (метафизический) реализм, темное фэнтези (*dark fantasy*).

Изложение основного материала. *Сущность* – основополагающий топос ГН, объединяющий носителей связей и отношений, которые выявляются и познаются в событии встречи друг с другом. Сущность ГН идеальна и требует эманаций в событии нарратива. В наиболее обобщенном виде она представляет собой присутствие как возможность в моменте «теперь» чего-либо, что еще не определено в качестве наличного. Представление о сущности в нарративе ГН может быть сформули-

ровано как семиотическая конфигурация. Термин *конфигурация* предполагает некую целостность элементов, упорядоченную по установленному принципу (от лат. *configurare* – придавать форму по образцу). При таком понимании *сущность* предстает как единство элементов, определенным конвенциональным образом организованных (то есть обусловленных, например, культурно, социально, индивидуально) для выражения некоего содержания в некой форме, причем отношение между формой и содержанием асимметрично. Это значит, что элементы могут подвергаться реорганизации, а отношения между формой и содержанием – изменяться. Сущность и ее реализация в ГН составляют неконгруэнтное подобие, поскольку каждая реализация предполагает конвенциональные флуктуации касательно соотношения формы и содержания внутри каждой единичной сущности. Лингвистически неконгруэнтность выражается как гиперогипонимическая связь между сущностью как присутствием и сущностью как наличным, что обусловлено диалектичностью наличного, а именно необходимостью *реального* и *неведомого* для свершения события. Сложность подобного построения можно упростить, обратившись к аристотелевским терминам *предикамент* и *предикабилия* в кантианской трактовке [7, с. 87–88], где второй термин указывает на *производное суждение*, выводимое из суждения, обозначенного первым. Преждевременно маркировать производность как родовидовое отношение применительно к сущностям ГН однозначно, однако близость терминов имеет место, так как идеальная сущность сначала реализуется в нарративе как *присутствие сущности* (предикамент), далее из присутствия возникает *сущность как наличное* (предикабилия), то есть дихотомия *реального* и *неведомого* в общем виде. *Реальное* и *неведомое*, согласно универсальному принципу изоморфизма, подвергаются дальнейшей дихотомизации, вследствие чего *реальное* раскрывается через нарративные инстанции как обобщение чувственного опыта (*феномен*), а *неведомое* – в чувственном опыте не данное (*ноумен*) [7, с. 191–195], но могущее быть предметом воображения.

Феномены в ГН отображают знание, передаваемое нарративными инстанциями об объектах и явлениях как обычных (знакомых, известных, испытанных, пережитых) и в дискурсивных, и в текстовых мирах. В частности, могут употребляться слова, означающие кровь, боль, ужас, страсть, страдание, ночь. Ноумены реализуются, например, лексикой со значениями «призрак умершего», «видение», «демон во плоти», «паранормальные способности», «магия», «опыт по ту сторону смерти», то есть «смерть как место» и т. д. Особенное положение в конфигурации топоса *сущность* в ГН занимает человек. Он может быть наделен феноменологическими и ноуменальными качествами и проявляться либо как *реальное* (красавица-аристократка, сумасшедший ученый, мудрый шут), либо как *неведомое* (тысячелетний вампир как хозяин замка, легендарный предок, сошедший с портрета, черт-сапожник или падший ангел – продавец трубных партитур Страшного Суда). Произвольная конфигурация качеств феномена и ноумена в человеке, свойственная ГН, позволяет трактовать человека как *типаж* – обобщение специфического типа личности, индицирующего данную традицию. Это может быть, например, харизматичный, но разочарованный в жизни байронический герой с таинственным прошлым, не поладивший «ни с людьми, ни с богом, ни с дьяволом» [24, с. 365]. Например, Фауст (И.В. Гете), Станислав Демба (Л. Перуц), Мельмот-Скиталец (Ч.Р. Метьюрин). Типична для ГН и роковая женщина как отражение байронического героя:

с одной стороны – ориентальная Саломея-Клеопатра, постоянная причина терзаний и жаркой ревности, с другой – бездушный суккуб, экспонент угрозы и деструкции, высокомерная и ледяная Венера в мехах. Ее удовольствие заключается в воле к смерти как преодолении себя [27, с. 99]. Например, Марселин Бедар (Г.Ф. Лавкрафт), Ребекка (Д. ДюМорье) или Лигейя (Э.А. По). Среди прочих типажей стоит назвать таких, как готическая героиня (благородная девица, противостоящая злему року и коварным искусителям (Берта Шпильсдорф Д. Шеридана Ле Фанно)), вампир, переживающий личную драму (Дракула Б. Стокера), Агасфер, живущий до второго пришествия (Хадир Грюн Г. Майринка), монах-отступник (Амброзио М.Г. Льюиса).

ГН также свойственна спонтанная смена конфигурации сущности в пределах одного нарратива: антропоморфный вампир может стать летучей мышью или туманом (как Дракула), а таинственная иностранка – пантерой (как княгиня Шотокалунгина из книги Г. Майринка «Ангел Западного окна»).

Реконфигурация обусловлена влиянием нарративных инстанций или же реализованных ими языковых личностей в процессе индивидуации [19, с. 522–524] в нарративе. Индивидуация здесь понимается как становление инстанций в качестве так называемого плюрального Я, проявляющегося как *персона* в коллективном сознании и как функция коллективного бессознательного [6, с. 88, 139; 14, с. 425–428; 18, с. 181–189, 310–313]. Персона подразумевает направленность личности вовне, в мир, потому здесь важны образование, социальное положение и связи, что имеет систематическое проявление в языке [9, с. 157–163] на семантическом и прагматическом уровнях. Языковая личность как персона видна в нарративе сквозь: 1) *грамматические психоглоссы* (языковые единицы, указывающие на то, как личность владеет языком, а значит, прямо связанные с образованием и статусом); 2) *мотивационные* (единицы, демонстрирующие желание личности удовлетворить коммуникативные потребности, обеспечивающие социальные связи). Мотивационные психоглоссы реализуются путем лингвистической экспликации принадлежности к определенному кругу (в том числе культурному, этническому) в качестве «своего» и могут принимать форму устойчивых единиц вроде поговорок, афоризмов, присказок, а также цитат из книг и т. д. Данные устойчивые единицы, впрочем, могут употребляться и ненамеренно – как способ вербализации традиционного знания о мире, что является отражением коллективного бессознательного.

Таким образом, плюральное «Я» нарративных инстанций (коллективная языковая личность) как персона определяет (сообразно с качеством своего статусного набора) языковую форму, в которую топос *сущность* облекается в событии. Так, сущности произведений Э.А. По довольно вычурны лингвистически. Это объясняется тем, что нарратор, как правило, – творческий человек с недюжинными знаниями в самых разных областях (как в рассказе «Лигейя»). Его нарратор подразумевает как непременно ориентирующийся в оккультизме и древних манускриптах, мифологии и эзотерике.

Содержание топоса зависит от когнитивного уровня плюрального «Я», основанного на когнитивных психоглоссах, отражающих совокупность представлений о мире. На развитие мировоззрения личности в равной мере влияют как социальный логос, так и бессознательное. Понимание такой сложной сущности как, например, Лигейя, требует от читателя сформированной способности к многогранной интерпретации, чтобы

само событие могло быть понято во всей тонкой изощренности замысла автора. Разумеется, здесь нужны и регулярное академическое образование, и бессознательные озарения и догадки. Одна из таких догадок позволяет читателю заподозрить в Лигейе колдунью, что релевантно в устной традиции «женщине странной и на других не похожей» (то есть с позиции коллективного бессознательного некому общепонятному архетипу). Если неведома сущность, то и лексика нетипична (с позиции персоны). Таким образом, коллективное бессознательное проникает в социальный логос через персону, а персона есть *экзогенный аспект эго*; здесь – рассудок (кроме рассудка экзогенное эго включает эмоции). Но коллективное бессознательное контактирует с эго не напрямую, а через его *эндогенный аспект* – память, аффекты и инвазии (последнее означает понижение контроля, вмешательство в рассудок личного бессознательного [18, с. 203–204]. Вовлечение в конфигурирование топоса сознательных и бессознательных аспектов личности, выраженной как плюральное «Я» нарративных инстанций в ГН, позволяет четко разграничить топос и архетип, где второй является частью первого, преломляясь через *эго* коллективной языковой личности.

По теории Ж.М.Э. Лакана, бессознательное семиотично и структурировано как язык. Его (бессознательное) имеет только существо говорящее, то есть человеческая личность. Как персона личность реализует бессознательное с разной степенью ясности раскрытия архетипа. «Локус» (или место, например, в нарративе), где как-либо проявляется архетип, Ж.М.Э. Лакан называет *плавающим означающим*, или *точкой пристежки* (point decapiton) [12, с. 160]. В терминах данного исследования плавающее означающее коррелирует с предикаментом, архетип (как элемент неиндивидуализированной организации психики, опознанный в качестве наличного в локусе) – с предикабилией. Содержание архетипа выявляется персоной посредством языковых единиц, указывающих на него.

Однако плавающее означающее является не только «точкой пристежки» персоны к бессознательному, но и перекрещиванием семиотических планов нарратива как текста о событии, формирующегося в процессе нарративной коммуникации. Семиотические планы текста маркируются как дихотомия генотекста и фенотекста, где *генотекст* – это план, предшествующий языковым структурам, «множество смыслов», обладающее нерасчлененной целостностью, а *фенотекст* – следствие актуализации и закрепления смыслов в структурах языка путем коммуникации. В «точке пристежки» происходит «переход» генотекста в фенотекст. Механизмом, обеспечивающим переход, является так называемый *семиотический диспозитив* (лат. *dispositivus* – вносящий вклад, организованный), который задает «семантический алгоритм вывода» языковых структур из множества смыслов [11, с. 194–198].

Отрефлексировать данный спекулятивный пассаж применительно к ГН возможно опять же путем экспликации ключевой терминологии. Итак, термин *текст* здесь классически мыслится как продукт коммуникации, но неклассически – как неограниченная возможность конфигурации смыслов, то есть нечто, не обладающее той статикой, которую задает значение слова «продукт», и лингвистически (в генотекстовом плане) нерелевантное, поскольку предшествует структурам языка. Следовательно, такое понимание текста предполагает его как явление нестабильное и становящееся в коммуникации, потенциально наделенное всеми смыслами, которые могут прив-

нести в него коммуницирующие стороны (в случае данного исследования – нарративные инстанции, способствующие становлению повествовательного текста, то есть нарратива). Генотекст понимается как нечто, предзаданное как текст (но текстом еще не являющееся), несущее в себе множество нереализованных потенций как возможных способов реализации. Значит, нарратив в нереализованном в языке состоянии с теми же основаниями может пребывать как генонарратив. То же касается и фенонарратива как фенотекста. Семиотический диспозитив как механизм превращения генонарратива в фенонарратив воплощается в пределах нарративной коммуникации как *внутренний* (интранарративный) код к пониманию беспорядочно блуждающих в генонарративе смыслов (например, возможных топосов и архетипов), являющийся методом их *языковой кристаллизации* – аккумуляции релевантной информации и фиксации ее в знаках языка. Глубина значения термина *языковая кристаллизация смысла* [8, с. 6] раскрывается в ассоциации с образованием кристаллов как постепенным накоплением некоторых определенных свойств, а также с кристалломантией – способом гадания с помощью хрустального шара, в котором якобы видны и прошлое, и будущее. Язык здесь метафоризирован и как носитель функции накопления смыслов, и как среда для уже накопленных.

Процесс развития и стабилизации фенонарратива путем языковой кристаллизации нарративными инстанциями (коллективной языковой личностью) неструктурированных смыслов генонарратива предлагается называть *интранарративной трансгрессией*. За термином *трансгрессия* в современных философских исследованиях [22, с. 2–7] закрепилось значение нивелирования оппозиций. Совершить акт трансгрессии – преодолеть черту, абстрагировавшись от позитивных и негативных суждений и осознав что-то как единое (например, добро / зло, жизнь / смерть). В данном исследовании трансгрессия осмысливается как процесс, заключающийся в реализации нарратива как текстового мира путем нивелирования геносостояний и феносостояний, а также в преодолении границ между задействованными в нем (нарративе) инстанциями и объединении их в целостную языковую личность, в структуре которой за осуществление фенонарратива ответственна персона, генонарратива – личность как функция бессознательного.

Фиксация сущности в фенонарративе осуществляется как ноумен, феномен и типаж. Для этого идеальной *сущности* как блуждающему смыслу генонарратива надлежит кристаллизоваться через деятельность нарративных инстанций, пройдя путь к ноумену (или феномену, или типуажу) от предикамента (сущности как присутствия в нарративе) и предикабилии (сущности как наличия *реального* и *неведомого* в нарративе).

Фенонарративная сущность (ноумен, феномен, типаж) имеет обобщенное значение, которое может быть выражено в языке простой единицей (например, *колдунья* как *типаж*). Данное значение в нарративе может быть имплицировано, но выражено в развернутой форме с применением единиц разных языковых уровней, как продемонстрировано, к примеру, выше в описании Лигейи. Фенонарративная сущность, таким образом, может иметь конкретную вербализацию в определенном нарративе, при этом имплицуясь как обобщенная априорная языковая форма, свойственная ГН и указывающая на ее реализацию в категориальном качестве, то есть как ноумен, феномен или типаж.

Выводы. Сущность в ГН обобщает носителей связей и отношений, выявляемых и познаваемых в событии встречи друг с

другом. Сущность идеальна, а в нарративе осуществляется как лингвосемиотическая конфигурация, где понимается как единство культурно или индивидуально обусловленных элементов для выражения некоего содержания в некоей форме; при этом отношение между формой и содержанием асимметрично. Сущность реализуется в нарративе, проходя этапы своего становления как присутствие сущности (предикамент), сущность как наличное (предикабилия) в дихотомии реального и неведомого в общем виде, далее как феномен, ноумен и типаж. Феномен является реализацией сущности как явлений и объектов, доступных познанию в пределах нарратива на нарраторском и авторском уровнях (например, тоска, кровь). Ноумен реализует сущность как явления и объекты, доступные познанию в пределах нарратива на нарраторском уровне, но не на авторском (смерть, колдовство). Типаж обобщает специфический для ГН тип личности (вампир, ведьма).

На конфигурацию сущности влияют нарративные инстанции как плюральное «Я» (коллективная языковая личность), проявляющееся как персона, обнаруживаемая в нарративе через грамматические и мотивационные психоглоссы, и как функция бессознательного, выявляемая через когнитивные психоглоссы. Первые два типа психоглоссы имеют место на уровне фенонарратива (нарратива в реализованном в языке состоянии), тогда как когнитивные – генонарратива (нарратива в нереализованном в языке состоянии, но несущего множество смыслов для реализации). Механизм превращения генонарратива в фенонарратив опознается как интранарративный код к пониманию беспорядочных смыслов генонарратива. Он является методом их языковой кристаллизации как аккумуляции и фиксации информации в знаках языка. Кристаллизация состоит в аллегорическом и символическом модусах интерпретации, которые осуществляются коллективной языковой личностью. Процесс развития и стабилизации фенонарратива посредством языковой кристаллизации коллективной языковой личностью смыслов генонарратива называется интранарративной трансгрессией. Фиксация сущности в фенонарративе реализуется как ноумен, феномен и типаж. Фенонарративная сущность имеет обобщенное значение, которое может быть вербализовано простой единицей, но может быть имплицировано и выражено с применением единиц разных языковых уровней.

Литература:

1. Аристотель. Категории / Аристотель // Сочинения в четырех томах; пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. – Т. 2. – М., 1978. – С. 51–91.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель; пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. – СПб.; К., 2002. – С. 29–475.
3. Аристотель. Риторика / Аристотель // Поэтика, риторика; [пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко. – М., 2000. – С. 5–149.
4. Аристотель. Топика / Аристотель; пер. с древнегреч. // Сочинения; в 4 т. / ред. З.Н. Микеладзе. – Т. 2. – М., 1978. – С. 347–553.
5. Данто А. Аналитическая философия истории / А. Данто; пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. – М., 2002. – 292 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
7. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н.О. Лосского; сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном, М.И. Иткиным. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
8. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2010. – 351 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
10. Компаньон А. Демон теории: Литература и здравый смысл / А. Компаньон; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М., 2001. – 336 с.

11. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / Ю. Кристева ; пер. с фр. Э.А. Орловой. – М. : Академический Проект, 2013. – 285 с.
12. Лакан Ж.М.Э. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда / Ж.М.Э. Лакан ; пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой. – М. : Русское феноменологическое общество ; Издательство «Логос», 1997. – 184 с.
13. Махов А.Е. Топос / А.Е. Махов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М., 2008. – С. 264–266.
14. Фрейд З. Психология бессознательного : Сб. произведений / З. Фрейд ; сверка с текстом оригинала Е.Е. Соколовой. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
15. Хориков И.П. Новогреческо-русский словарь / И.П. Хориков, М.Г. Малев. – М., 1980. – 853 с.
16. Цицерон. Топика / Цицерон // Эстетика: Трактаты, речи, письма ; пер. с лат. А.Е. Кузнецова. – М., 1994. – С. 56–81.
17. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
18. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К.Г. Юнг ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2010. – 352 с.
19. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг ; пер. С. Лорше ; дополнил и перераб. В.В. Зеленский. – М. : Университетская книга : ООО «Фирма-издательство АСТ», 1998. – 716 с.
20. Botting F. Gothic / F. Botting. – N.Y. : Routledge, 2005. – 128 p.
21. Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / E.R. Curtius ; tr. from German by W.R. Trask. – N.Y. : Bollingen Foundation Inc., 1953 – 658 p.
22. Jenks C. Transgression / C. Jenks. – London : Routledge, 2003. – 205 p.
23. Lovecraft H.P. Supernatural horror in literature / H.P. Lovecraft. – N.Y. : Dover Publications, Inc., 1973. – 106 p.
24. Nabokov V. Eugene Onegin: Commentary on preliminaries and chapters one to five / V. Nabokov. – Part 2. – Bollingen Foundation, 1964. – 547 p.
25. Prince G. Notes on the Categories “Topos” and “Disnarrated” / G. Prince // *Thematics Reconsidered. Essays in Honor of Horst S. Daemmrich*. – Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1995. – P. 127–133.
26. Quintilian. *Institutio Oratoria* / Quintilian ; translated into English by H.E. Butler. – V. I. – Harvard University Press, 1989. – 544 p.
27. Romaine S. *Communicating gender* / S. Romaine. – Mahwah, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1999. – 406 p.
28. Snodgrass M.E. Gothic Convention / M.E. Snodgrass // *Encyclopedia of Gothic Literature*. – NY. : Facts on File, Inc., 2005. – P. 152–154.
29. Toolan M. *Narrative: Linguistic and Structural Theories* / M. Toolan // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Oxford : Elsevier, 2006. – P. 459–473.

Ігіна З. О. Топіка готичного наративу в аспекті семіотичної конфігурації

Анотація. Статтю присвячено аналізу одного з основних топосів готичного наративу. Топос осмислений як сутність, що виражається в художньому творі як типаж, феномен і ноумен. Названі типи набувають конфігурації залежно від якостей наративних інстанцій певного твору.

Ключові слова: топос, сутність, наратив, феномен, ноумен, типаж.

Ihina Z. Topika gothic narrative in the aspect semiotic configuration

Summary. The article analyzes one of the main topos Gothic narrative. The topos comprehended as an entity, which is expressed in a work of art as a type, the phenomenon and the noumenon. The above types are taking configurations depending on the properties of specific instances of narrative works.

Key words: topos, essence, narrative phenomenon, noumenon, type.